

М. А. Тигранян

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
ТРАДИЦИОННОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА АРМЯН**

Народное творчество – это историческая основа народа и источник национальных художественных традиций, способ выражения народного самосознания, которое зародилось еще в глубокой древности. Кроме словесных жанров, сюда включают проявления духовной, а иногда и материальной культуры народа, язык, верования, обряды, ремесла и т.д. Армянская народная музыка составляет основу национального самосознания и определяет социокультурную идентичность армянского народа [Беляев, с. 27].

Армянская христианская музыка, наряду с арамейской и греко-каппадокийской, лежит в основе всей общехристианской музыкальной культуры, представляя большой интерес для изучения как музыкальная культура страны, которая раньше всех остальных стран мира в 301 г. приняла христианство в качестве государственной религии [Arel, p. 54]. Армянский музыкально-поэтический фольклор – это неисчерпаемая сокровищница, сохранившая образы дохристианских религиозно-культовых верований, ритуальных представлений наших предков. Обладая ярко выраженным своеобразием мелодического языка, армянская народная музыка оказала значительное влияние также и на развитие всей мировой музыкальной культуры [Tagmizyan, p. 12].

Древним пластом народного песнетворчества является обрядовая музыка. Армянская свадьба – один из главных и любимых народом праздничных обрядов, который формировался на протяжении сотен веков. Первые описания традиционной армянской свадьбы были зафиксированы на заре становления армянской научной этнографии и относятся ко второй половине XIX в. Огромную ценность в отношении изучения материала представляют 26 томов «Этнографических сборников», составленных видным ученым, этнографом, членом Московского археологического общества Ервандом Лалаяном. Наибольшая заслуга в деле изучения и систематизации армянского музыкального фольклора и, в частности, музыкальной составляющей свадебного обряда принадлежит основателю национальной композиторской школы и научной фольклористики, музыковеду, дирижеру, педагогу, этнографу архимандриту Комитасу, которому удалось собрать, обработать и подготовить к изданию около 3000 народных песен. По его точному определению, «...армянская традиционная свадьба, это целая опера, со своей драматургией, главными (жених и невеста) и второстепенными (сваты) действующими лицами, солирующими, дуэтными, хоровыми, сценическими и танцевальными номерами» [Самвелян, с. 55]. Ее особенностью является наличие формульных модулей, типологических принципов строения ладоинтонационного, метроритмического составляющего мелодического языка.

Традиционный свадебный обряд армян

Большинство деревенских свадеб справлялись в конце осени или начале зимы, когда цикл земледельческих работ был завершен. Патриархальные представления, родовые устои и моральные понятия, корнями уходящие в глубокую древность, диктовали свои каноны и правила, которые, в свою очередь, перерастали в обычаи и традиции. Традиционная крестьянская свадьба, как правило, длилась семь дней, где каждый день имел особое ритуальное значение. Все действия свадебного обряда сопровождалось песнями, плясками и инструментальными наигрышами. Жениха величали «царем» и «венценосцем» (Т'аgavor), а невесту «царевной» (Т'аguhi). Новобрачным преподносили «дары» в виде душистых цветов, из которых жених для невесты плел свадебный венок. Нужно подчеркнуть, что используемые во время свадебной церемонии цветы (роза, базилик, бессмертник, первоцвет, душица, ландыш, лаванда, мята, дрёма, амбра, жасмин, бальзамин, брабион, гвоздика, зверобой, розмарин, лилия и т.д.) все без исключения относятся к одористическим – т.е. к ароматным растениям, содержащим большое количество эфирных масел.

Новобрачных величали специальными хвалебными песнями. Голову жениха венчал венок – *нысак*: петушиные перья укреплялись на крестообразно соединенных палочках, обмотанных цветными нитками. Венец «царя» вставлялся в жгут платка, обмотанного вокруг красной фески (головной убор восточного типа) жениха. Главенствовали на свадьбе красный

и зеленый цвета – символы молодости, красоты, цветущей природы и любви. В хвалебных свадебных песнях молодоженов сравнивали с цветущими деревьями и небесными светилами – жениха с солнцем, а невесту с луной. Обязательным являлся ритуал «мытия и бритья» новобрачного: голову жениха цирюльник выбривал особым образом – «грядками», который именовали «огород жениха» (*n'эси бостан*), что было связано с культом плодородия [Лисициан 1958, с. 244]. Особое место в армянской свадьбе отводилось театрализованным представлениям, где главными действующими лицами были сами сваты, которые в разгар празднества наряжались в шкуры различных тотемных животных (буйвол, овен, телец, коза, журавль, аист, петух и др.) и в этом виде представлялись остальным участникам свадебной процессии, которых величали специальными песнями.

Свадебная выпечка

Подготовительные работы к свадьбе начинались в среду вечером. В четверг месили тесто (*Tashtadronq, Teshtemagh, Gathathuch*) и готовили свадебную выпечку. Это единственный свадебный ритуал, который не имел музыкального сопровождения, т. к. считалось, что «тесто не любит шума», и чтобы оно хорошенько забродило и испеклось, нужна была тишина. Свадебной выпечкой занимались замужние и счастливые в браке многодетные женщины, которые пользовались особым уважением. Готовилось всё в больших количествах, т.к. нужно было угостить всех. Обязательно пекли свадебный *лаваш* (национальный пресный белый хлеб в виде тонкой лепешки из пшеничной муки), *гату* (пирог с начинкой из масла и сахарной пудры, который украшали разными узорами, чаще крестами), готовили *пахлаву* (восточная сладость в виде пропитанного маслом и медом слоеного пирога с начинкой из растертых орехов, сахара и кардамона), *аришту-халву* (своеобразный вид сладкой домашней лапши из взбитых яиц и растертого сахара, заправленный медовым сиропом), а также разного рода сладости.

Заклание быка

В пятницу совершали ритуальное заклание быка – *Мсаморт*, мясо которого должно было послужить главным блюдом для свадебного стола. Рано утром пронзительные звуки *Sahari* (Гимн солнцу) всю деревню возвещали о начале свадебного обряда и приглашали на ритуал заклания быка [Ернджакян, с. 9]. «Саари» – сложный импровизационный инструментальный наигрыш, в техническом плане требующий от исполнителя высочайшего уровня мастерства, который исполняли на зурне (реже дудук, шви, блул) и исключительно на заре, до того, как солнце встанет в зените, и он являлся своего рода музыкальной лейттемой жениха. Иногда под звуки «саари» невесту уводили из родительского дома.

В армянской культуре, как и у многих древних народов, испокон веков существовал культ поклонения тельцу-быку (греческий Зевс, египетский Апис, индоевропейский Митра, древнеславянский Велес, Золотой телец из-

раильтян и др.). Телец-бык – ключевой символ небесной энергии, солярного бога, культа Солнца. Это один из фундаментальных символов, связанный с зарождением цивилизаций, оседлостью, земледелием, скотоводством. Свадебный ритуал заклания быка, своего рода *тавроктония*, происходил подобно тому, как в древнейших митраистских мистериях совершались жертвоприношения. Умирая, бык отдавал силу земле, из его тела произрастало зерно, основа хлеба, а из крови – виноградная лоза, необходимая для вина [Элиаде, с. 272]. В армянской мифологии Митра трансформировался в Михра (Мгер, Mher) – одного из главных героев эпоса о сасунских богатырях, который заклал черного быка [Арутюнян 1988, с. 160]. В свадебной традиции сохранился также древнейший обряд бескровного жертвоприношения – возлияние вина (*либацья*).

Жертвенного быка или теленка украшали яблоками, цветочными гирляндами, торжественно вносили на людное место и под звуки неумолкающей зурны совершали этот древний обряд, который сопровождался ритуальными песнями-плясками. Согласно народному поверью, сила молодого быка переходила тому, кто его закалывал, и потому этот «ответственный» ритуал возлагали на жениха, которому большой подмогой был крестный отец (Кըգախըր, Qavor).

Свадебное древо жениха – «Урц»

После заклания быка совершался обряд величания жениха – *Тагавори говалы*, который проходил перед деревом жениха (*Тагвори тцар*). В ту же пятницу (в некоторых регионах в субботу) в доме жениха готовили свадебное древо жениха – обязательный атрибут свадебного обряда. «Тагвори тцар», который армяне называли *Урц* (в переводе с арм. – чабрец, тимьян), символизировал родословное древо жениха и его мужское начало. В древности тимьян являлся объектом особого поклонения, и не случайно, что армяне его почитали как символ плодородия и плодовитости. В Древней Греции тимьян-чабрец кадили на алтарях храмов, посвященных богине Афродите, считая, что богам его благовоние желанно. Тимьян символизировал доблесть и силу (*thymos* имеет несколько значений: ‘мужество’, ‘вдыхание жизни, дух’, а также ‘благовоние фимиам’). Особые свойства тимьяна были известны еще в 3-м тысячелетии до н.э. Его применяли в различных культах: древние шумеры использовали тимьян в качестве антисептического средства, древние египтяне в составе мумифицирующих трав посвящали тимьян богу загробной жизни, плодородия и изобилия Серапису [Торосян, с. 267].

Легенд и историй, связанных с тимьяном, очень много: так, по греческой легенде тимьян родился из горьких слез Елены Прекрасной. Не обошлось без чабреца и в православной традиции. В библейской легенде Дева Мария родила Иисуса на подстилке из тимьяна, и название «богородская трава» связано с обычаем украшать цветами чабреца иконы в праздник Успения Богородицы. Использовали его и во время церковных служб в качестве благовонной

травы вместо ладана. В деревнях, где достать ладан было сложно, тимьян являлся одним из ингредиентов мирры. О магических свойствах урца-тимьяна знали и древние армяне. Известный арменовед, ученый Гевонд Алишан отмечал, что в Древней Армении посох верховных жрецов венчали тимьяновые пучки из 22 или 35 веток [Алишан, с. 374]. Не случайно, что в эпической поэме «Карос хач» («Карос крест») чудодейственный крест пастухи сплели из тимьяна.

Связанное с бессмертием и плодородием космогоническое представление о мировом древе упоминается в фольклоре и мифах древних народов. Можно вспомнить весенний календарный праздник славян Майское дерево, который был широко распространен также в Европе (*Maibaum, Maupole, Maistang, Drzewko majowe, Arbor majalis*) [Фрезер, с. 142–152]. Свадебное дерево «Урц» армяне украшали фруктами, сладостями, разноцветными лентами. Обязательными плодами дерева жениха были яблоки – символ плодородия, супружества и брачного союза. Благодаря своей почти идеальной шарообразной форме яблоко символизирует целостность, бесконечность, вечность, обратимость, цикличность, совершенство, молодость и бессмертие. В традициях многих народов яблоко символизировало целомудрие невесты: его оставляли на брачной рубашке. Яблоко как символ вечной молодости (яблоко Венеры, молодильные яблоки, райские яблоки, Гесперидовы золотые яблоки) фигурирует во многих мифах и сказках («Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Белоснежка и семь гномов»). Накануне свадьбы будущей невесте дарили яблоко, куда присутствующие втыкали медные или серебряные монеты: оно служило частью приданого и принадлежало исключительно невесте.

Культ яблока как символа любви можно встретить у многих народов. Ветки яблони украшали свадебное знамя и венок невесты, а еще использовались в убранстве праздничного стола. Так, белорусы, украинцы и поляки ветку яблони втыкали в свадебный каравай, а русские – в свадебную курицу. Традиционно перед свадьбой обряд бритья жениха славяне совершали под яблоней. Почти схожим способом тот же обряд проводили и армяне: перед бритьем головы волосы разделяли на грядки «яблок» и «огурцов», устраивали шуточные торги, брили и продавали пряди жениха [Лисициан 1958, с. 245]. Следует отметить, что традиция бритья головы, которая уходит корнями в глубокую древность (египетские жрецы, буддийские монахи, исламские паломники), – своего рода обряд посвящения, что являлось знаком преданности религии и часто воспринималось как отказ от тщеславия, смирение и принятие нового «статуса».

Бутафорское дерево жениха на протяжении всего свадебного обряда, «следовало» за женихом: «Урц» тщательно оберегали от «посягательств», т.к. молодые парни со стороны невесты то и дело норовили сорвать с дерева жениха спелые плоды (составляющая ритуала и часть игры). Сохранились

подробные описания, а также изображения свадебных деревьев жениха, которые отличались друг от друга лишь внешним видом и строением (в зависимости от регионов).

Удивительно, но «Урц» из Шатаха (область в Васпуракане, Западная Армения) очень напоминает дерево жизни на одной из ассирийских печатей 2-го тысячелетия до н.э., а свадебное дерево жениха из Апарана в точности повторяет «дерево» Аттиса, описанное Дж. Фрезером в его знаменитом труде [Фрезер, с. 388–389]. Фригийский Аттис, подобно египетскому Осирису (растительный символ – сикомор), шумеро-аккадскому Хумбабе (кедр), армянскому Ара (чинара-платан), сирийскому Адонису (мирра-смирна), также представлял собой культ умирающей и воскресающей природы, символом которого являлась сосна.

Согласно преданию, ежегодный праздник возрождения Аттиса древние справляли 22 марта (весеннее равноденствие): священный сосновый ствол (толстая ветка) обматывали шерстяными повязками и обкладывали венками из фиалок. Таким же способом изготавливали дерево жениха в Артикском районе Армении, только вместо сосны использовали тополь, а вместо шерстяных обмоток и повязок – свадебные красно-зеленые ленты. Так как свадьбы в большинстве случаев справляли поздней осенью или зимой, то листвы на ветвях уже не было. Срубив довольно толстую ветвь тополя с ровными разветвлениями (мужское начало), укрепляли ее в глиняном горшке, набитом землей (женское начало). На верхушке дерева водружали яблоко или гранат, на концах веток красно-зеленые ленты завязывались бантиками – «вардами» (*vard* – роза), а сами ветки украшали «шароцами» – нанизанными на нитки грецкими орехами, изюмом, курагой [Лисициан 1972, с. 129–130].

Макушку дерева жениха обычно украшал гранат. Гранат – древний восточный символ солнца. У многих народов, населявших в древности Армянское нагорье и регион Средиземноморья (армян, греков, финикийцев, персов, евреев, ассирийцев), гранат являлся символом природной красоты и единства всего сущего (шумеро-аккадская Иштар, греческая Персефона, иранский Исфандияр). В армянской традиции гранат выступает как символ жизни, процветания и супружества, а также достатка и плодородия, ведь гранатовые деревья плодоносят круглый год. Древние считали, что гранатовый сок наполнен кровью и является носителем жизненной энергии. Этот удивительный фрукт также имеет глубоко символическую структуру. Согласно древним философам, зерна, спрятанные под оболочкой, на самом деле являются признаком международной активности Вселенной.

Обряд нанесения хны

В субботу перед венчанием в доме новобрачной готовили свадебную хну – ею обязательно красили волосы, ладони и ступни невесты, и этот ритуал называли *Хнадрек* (*Hinadres*). Все без исключения исторические регионы некогда великой Армении (Ван, Муш, Сасун, Алашкерт, Акн и др.) сохранили

этот древнейший ритуал свадебного обряда, подробное описание которого можно встретить в этнографических исследованиях армянских ученых. Обряд наложения хны у древних народов Востока считался символом счастья, благосостояния, здоровья и долголетия. Он сопровождался специальными песнями-величаниями невесты, часто переходящими в песни-плачи и проводы девушки из отчего дома. Накрашенные хной волосы приобретали красноватый оттенок. Затем их заплетали в косички (обычно 12 или 24), исполняя по куплету из песни на каждую косичку. Сохранились также величальные песни ритуала нанесения хны.

Искусство нанесения хны – *мехенди* – это восточное искусство раскрашивания тела при помощи натуральной хны. Существует несколько разновидностей (стилей) *мехенди* (*индийский, марокканский, арабский*), где преобладают те или иные сюжеты в виде анималистичных образов, геометрических узоров, цветочных мотивов и т.д. Мехенди это не только украшение, но и символ, ритуальный обряд, талисман, а красный цвет является символом плодородия и власти. В переводе с хинди *мехенди* означает ‘хна’. Исконная родина искусства росписи по телу достоверно не установлена: одни историки называют Северную Африку (Египет), другие Индию, третьи Иран. Хну получают из листьев хинного дерева, стреловидные листья которого собирают, сушат, а затем растирают в мелкий порошок. По преданию, хна защищала от злых духов, неудач, несчастий, болезней и даже смерти. На Востоке женщины верили, что этот ритуал приносит счастье, любовь и благополучие в дом. Не случайно, что хну наносили именно на ладони и ступни, так как известно, что на ладонях находят свое отражение все основные энергетические центры организма – чакры. Они расположены в областях основных нервных сплетений в центральной нервной системе человека и регулируют работу различных органов тела. В этой связи отметим, что во всех религиях мира изображение ладони с внутренней стороны считалось амулетом удачи, счастья и благосостояния. Достаточно вспомнить *руку Иштар*, или *руку Исиды*, которая перевоплотилась в *Хамсу* – ближневосточный защитный амулет в форме открытой ладони с пятью пальцами. Мусульмане также называют этот символ *рука Фатимы*, а иудеи – *рука Мириам*.

Технология мехенди до наших дней дошла практически в неизменном виде. В отличие от классических татуировок, получивших распространение в Европе, люди Востока отдавали предпочтение способу украшения своего тела, который не причиняет вреда здоровью и не повреждает кожу. Красную краску хны получали из сухих листьев многолетнего вечнозеленого кустарника лавсонии (*lawsonia*), в Древнем Востоке более известного как хенное дерево (*henna*). Свое научное название *Lawsonia inermis* (*Лавсония неколючая*) кустарник получил по имени английского врача и издателя XVIII века Исаака

Лаусона. Высушенные листья хны были найдены в древних египетских могилах. В самых первых медицинских трактатах есть упоминание об использовании хны в лечебных целях [Амирдовлат, с. 219].

В Библии есть упоминание о применении хны в качестве живых изгородей. Эфирные масла с прекрасным ароматом цветов хны использовались в качестве духов еще задолго до нашей эры. Именно с гроздьями хны сравнивал свою возлюбленную Суламифь ветхозаветный царь Соломон (Песнь Песней, I-13). Пророк Мухаммед, отращивая бороду, в качестве благовоний использовал хну и аромат ее цветов, а чтобы отличаться от язычников, иудеев и христиан, призывал окрашивать бороды (*хидаб*) хной [Mazuz, p. 81].

Удивительно, но в армянском языке корень *хна* считается исконно армянским, а не заимствованным из других языков. Именно от корня *khna* являются производные слова *хнами* (сваты) и *хнамк'* (забота) [Ачарян, с. 378]. Свадебную хну для невесты доставлял «братец Лис» (*Aghves aghber*) – один из дружков жениха: на поднос, устланный красивым шелковым платком, насыпали порошок хны (приблизительно 0,5–1 кг), украшали фруктами, ставили свечи (от 4 до 20 в зависимости от региона) и зажигали. Специальными песнями восхваляли хну, потом разбавляли вином и наносили на внутреннюю сторону ладони (внешнюю не украшали) [Каджберуни, с. 157–158].

В некоторых регионах исторической Армении накануне свадьбы хной раскрашивали также безымянный палец и мизинец жениха и крестного отца [Свазлян, с. 518–520]. Этот поистине удивительный обычай, сохранившийся в некоторых регионах Армении, своими корнями уходит в незапамятные времена, т.к. именно эти два пальца – безымянный и мизинец – в древних религиях считались символом тайных знаний и представлялись в сложенном (скрытом) виде (рука Сабазиса, благославляющая десница Божья).

Братец Лис

В традиционной армянской свадьбе весьма интересным был образ «брата Лиса» (*Aghves aghber*). Этот изворотливый, ловкий, остроумный молодой человек обычно являлся одним из дружков жениха. Еще до прибытия сватов «Лис» должен был первым пробраться в деревню невесты (главное незаметно) и возвестить о прибытии свадебной процессии во главе с женихом и крестным: нужно было быть осторожным и раньше времени не дать себя обнаружить. Родные и односельчане невесты старались ему в этом деле всячески помешать. Иногда смельчакам удавалось заранее вычислить «Лиса», и тогда они вправе были с «позором» выгнать его из деревни. Конечно же, эти действия носили шуточный характер, тем не менее «проваленная миссия» не приносила чести «Лису», и потому к своим обязанностям он относился очень ответственно. За успешно проведенную «операцию» «Лиса» вознаграждали подарками, и он был вправе выловить в доме отца невесты столько кур, сколько пожелает. Трофейные куры «братец Лис» делил с остальными дружками жениха, и они несколько дней вдоволь угощались.

В тотемических представлениях народов Древнего Востока лиса издревле считалась символом плодородия, и ей (в особенности ее хвосту) были посвящены специальные праздники, мистерии и магические ритуалы. Так, на одной из цилиндрических печатей урартского периода 9 в. до н.э. священный елей и дары древу жизни преподносил верховный жрец в образе и облачении лисы [Пиотровский 1944, с. 319]. В древнеиранской мифологии – в Авесте – против бога тьмы и олицетворения зла Ахримана герой Тахма-Урупа выступает в образе «быстрой лисы» и побеждает его [Толстов, с. 295]. На знаменитой Триалетской чаше, представляющей хетскую культуру (первая половина 2-го тыс. до н.э.), люди одеты в лисьи шкуры [Амиранашвили, с. 29–35].

За мудрость, ум и независимость лису почитали также древние кельты. В Древней Греции во время празднеств, посвященных Дионисию, люди наряжались в шкуры лис так же, как и в Древней Армении, где 7 мая отмечали праздник плодородия, и женщины специально ходили с длинными лисьими хвостами [Лалаян 1896, с. 275]. Такие хвосты носили армяне во время свадебных гуляний (Арцах – Нагорный Карабах), когда участники обряда надевали маски, кривлялись и смешили сватов и присутствующих [Лалаян 1896, с. 262]. Интерес представляет также праздник «хвоста» – Хеб-Сед в Древнем Египте, направленный на восстановление мужской силы «сына солнца», который отмечали каждый 13-й год правления фараона [Крол, с. 47–75].

Примеров можно привести множество, и все они свидетельствуют о важном значении лиса, символ которого тесно переплетался с плодородием. Известное нам самое древнее свидетельство тому – шумерская легенда о сотворении мира «Энки и Нинхурсаг» (вторая половина 4-го тыс. до н.э.), когда бог мудрости и пресных вод Энки (*hАйя*), создавая рай – страну Дильмун, поссорился с богиней земли и плодородия Нинхурсаг. Именно в шумерской литературе рождается впервые представление о райском саде – блаженном месте, являющем собой прекрасный цветущий и плодоносящий сад, а также о запретном плоде, который вкусил бог Энки (*hАйя*). В результате ссоры между двумя богами всему живому стала угрожать опасность. Этот спор разрешил Лис, который сумел помирить двух враждующих божеств [Крамер, с. 128]. В качестве главного действующего героя Лиса (Лисицу) можно встретить в фольклорных преданиях и мифах многих народов, где главными качествами этого тотема выступают хитрость, сообразительность, ловкость, изворотливость и ум. Лиса являлась тотемическим животным также у народов Дальнего Востока.

В древнем мире хвостатые кометы считались «небесными лисами». Лиса была символом долголетия: через 1000 лет жизни лисице открывались законы Неба, и она становилась Небесной лисой (как в Древнем Китае – «девятыхвостая белая лисица»). Неслучайно, что в Японии синтоистское божество изобилия, богиня риса Инари, представлялась в облике лисы [Светоч

дружбы]. По сюжету многих русских сказок энергии лисы, которую в народе часто величают Патрикеевной, было достаточно, чтобы принести удачу и победу. Кстати, по мнению некоторых исследователей, свое прозвище она получила от имени родовитого православного княжеского отпрыска Патрика, отличающегося изворотливостью и своей хитрой политикой [Погодин, с. 219]. Изображение лиса можно встретить на польских, белорусских, литовских дворянских гербах (оттого и название эмблемы «Lis»). Лисицу видим также на гербе белорусского города Березино «Лис»: пересеченный испанский щит, в верхнем серебряном поле которого изображен возникающий из золотой короны лис красного цвета, обращенный геральдически вправо, держащий в лапах золотую стрелу, перекрещенную двумя перекладинами.

Значение лисьего тотема в армянской свадьбе удивительным образом перекликается с символом этого животного в якутском свадебном обряде, и в этом смысле особенно интересно значение лисы в свадебных украшениях. Важное место в комплекте якуток отводилось серьгам, где можно увидеть зооморфную гравировку свернувшейся клубком лисы. У якутов, так же, как и в преданиях других народов Дальнего Востока – китайцев, японцев, лиса считалась женским *солярным*, т.е. солнечным символом и олицетворяла удачу и плодородие. Это связано также и с охотничьим культом. У вилюйских якутов была традиция, когда охотник добывал лису, то, привезя ее домой, заворачивал во что-нибудь и надевал на нее женские головные украшения Бастынга. Считалось, что мордочка лисы служила оберегом для детей и женщин.

В армянских средневековых рукописях сохранились изображения лисов, хвосты которых представлены в стилизованном виде – в форме пышной растительности, где особо подчеркнута мужское начало. Не случайно, что в армянском устном творчестве лис фигурирует именно в мужском роде. Самые древние письменные свидетельства «лисьих» хвалебных песен, сохранившиеся в средневековых армянских рукописях, которые находятся в ереванском Матенадаране, относятся к XVI в. И лишь спустя три столетия – к концу XIX века, армянским музыковедам-этнографам удалось зафиксировать музыкальную составляющую этих песенных текстов, первые записи которых принадлежат Комитасу. В процессе изучения материала мы смогли собрать существующие на сегодня по возможности все свадебные «лисьи» песни, которые представляют большой интерес. Они имеют танцевальный характер, и скорее всего их исполняли как песню-пляску. Основное их содержание: хитрость «братца Лиса», который всячески норовит захватить как можно больше кур и цыплят.

Тотем курицы

В религиях всех народов птицы – посланники и вестники богов, символ непреходящего духа, божественного проявления, духов воздуха, духов мертвых, возможности общаться с богами или входить в высшее состояние созна-

ния и мысли. Птицы символизировали свободу и душу (в том числе, когда она покидает тело), им было дано подняться над обыденностью (идеи отделения духовного начала от земного). В этом контексте особый интерес представляет *курица*, которая издревле считалась символом плодородия, домашнего уюта, большой здоровой семьи, воспроизводства и материнской заботы. В христианстве наседка с цыплятами олицетворяет Христа со своей паствой [Библейская энциклопедия, с. 417].

У армян, как и у многих древних народов мира, курица издревле считалась тотемом, и не случайно, что угощения из курицы были обязательным блюдом на свадебном столе. В армянском языке корень *hav* (курица) имеет три смысловых значения, истоки которых в глубокой древности. Первое значение – это ‘птица’ в целом (курица, петух, куропатка), чаще употребляется во множественном числе (*havq*). Второе значение связано с духом предков: самого старшего из рода по мужской линии армяне величали *hav* ‘прадед’ – слово, родственное с праиндоевропейским *aiuo*, с латинским *avus* ‘дед, прадед’, *avia* ‘бабушка, прабабушка’. Кстати, то же самое можно наблюдать и в славянской культуре: слово *курица* происходит от латинского *kurya, curia*, и в этом контексте интерес представляют слова *куратор*, *курировать* и *патриций*, *патрицианство* (от лат. *Patre* ‘отец’), а также *Папская Курия (Roman Curia)* – организованная духовными отцами Римской католической церкви высшая управленческая власть. Третье значение *hav* ‘начало, первопричина, возникновение, зарождение, завершение, конец’, отсюда и исконно армянские слова *haverj* ‘навсегда’, *havatq* ‘вера’, *havitean* ‘вечность, не имеющая начала и конца’, *havaq* ‘собрание’, *avag* ‘вожак, глава, старший’ [Ачарян 1977, с. 65–67].

Одним из ритуалов армянского традиционного свадебного обряда был *hAvt'рук*, что в переводе означает «полет птицы-предка». Собирались холостые дружки жениха – *азабы* (т. е. «свободные»), обнажали сабли, а *П'эса'* (жених), помахав курицей несколько раз из стороны в сторону, ударял ею о лезвие сабли, рубил голову и через *йердик* (окно на плоской крыше) бросал в дом. Следует отметить, что крыши армянских жилищ были плоскими. Точно с такими же плоскими крышами, с деревянным сводчатым потолком (*чорхона*) и с отверстием (*руз, роузан*) строили дома на Памире и в высокогорных районах Индии на границе с Тибетом. Конструкции таких жилищ отражали процесс творения Вселенной. Это окно являлось сакральным центром, через которое осуществлялась связь обитателей дома с небесами. Его структура и орнаментика олицетворяла весь Космос, что совершенно идентично смыслу Ступы и ее космологии. Именно в этом контексте и следует рассматривать вышеотмеченный свадебный ритуал армян *hAvt'рук*, который завершался тем, что жених с *азабами* устраивал веселый пир и поедал курицу. Такая же «участь» ждала тех кур, которых в доме невесты старался украсть «братец Лис». В историческом регионе Армении Арцах (Нагорный Карабах) на макушку дерева жениха водружали изготовленную и украшенную особым образом свадебную курицу [Лалаян 1897, с.109].

Свадебные песни-пляски

Обязательной составляющей свадебного обряда были песни, шуточные мизансцены и танцы. Песни-пляски (*parerg*, от армян. *par* ‘танец’ и *erg* ‘песня’) – сложный собирательный жанр устного народного песнетворчества, который объединяет в себе танец, песню и слово. Истоки этого жанра лежат в самых архаичных слоях армянской истории. Еще в 1 веке до н.э. Плутарх писал о древних традициях армян, особенно о танцах, о построенных амфитеатрах, где армяне во время празднеств устраивали сценические представления и танцы [Гоян, с. 129–131]. Многие песни-пляски в старину были тесно связаны с теми или иными обрядами и языческими верованиями древних армян, однако, со временем утратив свой истинный смысл, они постепенно приобрели любовно-бытовой характер. Армянские песни-пляски впервые были исследованы в капитальном труде известного искусствоведа Србуи Лисицян. Созданная ею система записи танцевальных движений (кинетография) позволила с математической точностью фиксировать положение тела в пространстве, проводить анализ движений и мизансцен танцев и театральных представлений.

В отличие от некоторых других жанров народного песнетворчества, которые потеряли свою прикладную значимость, песни-пляски и по сей день пользуются большой популярностью и любовью в широких слоях армянского народа. Состоят песни-пляски из двух взаимодополняющих частей: рефрена-запева, неизменного на протяжении всей пляски, и кочующих куплетов, которые могут с одной песни-пляски переключаться в другую в соответствии с метрическим стихосложением основной припевной строфы рефрена-запева. В песне-пляске лучше всего проявляется ритм национальной речи, ведь именно ритм является связующим звеном между словом и музыкой. Как в народной, так и в профессиональной музыке ритм играет огромную формообразующую роль, поскольку речевая ритмика непосредственно воздействует на становление национального ритма.

Армянские пляски исполнялись как под открытым небом, так и в крытых помещениях. Под открытым небом в качестве площадки могли служить дворы при монастырях и церквях, места богомолья и паломничества (*ухта-тег'ер*, *ухтавайрер*) во время годовых религиозных праздников: Сретения Господня (*Теарндарадж*, *Терндез*), Вознесения Господня (*Амбардзум*), Преображения Господня (*Вардавар*), Масленицы (*Барекендан*), Пасхи (*Затык*), Воздвижения Креста (*Хачверац*, *Сурбхач*), а также в случаях частного домашнего веселья – дворы и крыши домов. В преддверии свадьбы дом тщательно убрали, потолок, стены и столбы заново белили и украшали «звездами» из муки, готовили место для невесты – *т'ахт*, отгороженное специально повешенным *ковром* или *карпетом*. В крытых же помещениях пляски исполнялись в холодное время года. По количеству участвующих армянские пляски

делятся на коллективные, групповые, дуэтные и сольные [Лисициан 1958, т. 1, с. 42–52].

Ни одна свадьба не обходилась без знаменитых плясок с подпрыгиванием, в которых много прыжков, «*Вэр-вэри*» (истоки восходят к культу плодородия), «*Г'ырноци*», что в переводе означает «скачущие, летающие» (идентично русскому названию вида плясок с прыжками «*Скакуха*»), медленного кругового танца с большим количеством участников «*Г'йовнд*» – производное от армянского *гунд* (круг, шар) и *говал* (величать), а также обязательной свадебной песни-пляски «*Мать царя, выходи*» («*Тагвори мэр, дус ари*»), которую исполняли холостые дружки жениха – азабы. Ее пели и плясали перед домом новоиспеченной свекрови, когда свадебная процессия после венчания подходила к дому жениха. Как правило, матери жениха и невесты во время церковного обряда венчания не присутствовали, т.к. это считалось дурной приметой. Основное содержание этой по характеру шуточной песни-пляски – перечисление всех достоинств и обязанностей невесты, а также высмеивание их будущих со свекровью отношений, ссор, распрей и неполадок (размер мелодии 6/8). Во время исполнения пляски новобрачных осыпали зерном и сладостями, а мать жениха их встречала лавашем и медом (символы достатка, благосостояния, умеренной и счастливой жизни) [Лисициан 1972, т. 2, с. 308].

Свадебные обрядовые пляски представляют особый интерес, т.к. в них нашли отражение тотемические представления наших предков. Среди обрядовых особый интерес представляют птичьи пляски с соответствующими подражательными движениями рук: «*Крнгаве*» (Журавлиная пляска), «*Г'авух*» или «*hАвку*» (Куриная пляска), «*Как'авнер*» (Куропатки), «*Лорке*» (Перепелка) и др.

Пляска «Лорке»

Среди обязательных свадебных песен-плясок армян особой любовью пользовалась «*Лорке*» («Перепелка»). В древнем мире перепелке отводили особое место как птице с ярко выраженным женским началом. В народной традиции перепелка тесно связана с темой жатвы и нередко противопоставлена птицам, воплощающим мужское начало: соколу, ястребу, орлу. Можно провести параллели со свадебными и лирическими песнями славян, где перепелка символизирует девушку – невесту-молодую [Гура, с. 688–690]. В иероглифических рисунках Древнего Египта категорию птиц изображает именно перепелка (одна из каменных табличек хранится в парижском Лувре). Перепела чудесным образом посылались Богом израильтянам в пищу во время их странствования в пустынях Син и Киброт-Гаттааве, когда последние, не довольствуясь манной небесной, стали роптать на Бога (Исх. XVI-13; Числ. XI-34). Возвращаясь к свадебной песне-пляске «Лорке», отметим, что ее исполняли, когда уводили невесту из отчего дома. Согласно традиции, соседи накрывали маленькие столы и на прощание, перед долгой дорогой

угощали жениха, крестного и сватов. Шуточное содержание «Лорке» выразилось в недовольстве последних и в упреке «за скудное угощение». Возможно, что это просто совпадение, однако мы склонны полагать, что в армянской песне-пляске «Лорке» сохранились отголоски тех далеких событий библейских времен [Тигранян, с.265–267].

Культ зерна

Во всех культурах зерно является базовым символом и основным продуктом питания, который имеет магический, позитивный смысл, символизирует плодородие и изобилие. Зерновые культуры (ячмень, рожь, пшеница, кукуруза, рис, просо) тесно связаны со становлением первых государств, и можно смело утверждать, что они сыграли ведущую роль в возникновении практически всех ранних цивилизаций. Существует «зерновая гипотеза», предполагающая, что формирование государств становилось возможным только тогда, когда в пищевом рационе населения преобладали зерновые культуры [Хэнсон, с. 49–52]. Зерно – продолжение жизни после смерти, возрождение, божественный дар жизни, и если зерно ложится в землю, как бы умирая, то вновь прорастает весной. В Евангелии от Иоанна (12:24) Иисус Христос говорит: «Если пшеничное зерно не упадет в землю и не умрет, то оно останется всего лишь зерном. Если же оно умрет, то из него произойдет много зерен». Зерно – эмблема христианской евхаристии: колосья пшеницы – это хлеб и тело Христово, Божья благодать и праведность. По традиции современные свадебные церемонии армян не обходятся без подарков. На свадьбе жених и невеста раздают всем неженатым и незамужним гостям небольшие памятные «коробочки» с конфетами, так называемые «таросики» с обязательным пожеланием: «*tarosy qez lini*» (следующий тарос твой, т.е. очередь за тобой). Слово *тарос* на диалекте армян, проживающих в Западной Армении (ныне территория Турции), означало особый вид горошка *сисер* (в других регионах – *просо*), который наподобие ароматизированных и подслащенных орешков готовили разными способами, насыпали в «свадебные кульки» и вместо сладостей раздавали присутствующим. Следует отметить, что именно эта зернобобовая культура особо почиталась в Древнем Египте.

Тотем змеи

Одной из древнейших свадебных плясок, дошедших до наших дней, является «Сакма» («Сакмэ»), которая считается дорожной. Ее сложные, ползучие па, которые в народе называли *одзу сохал* (по-змеинному ползать), действительно напоминали змеевидные движения, призванные запутать плетущихся за свадебной процессией злых духов. Такие ползучие движения встречаются в плясках многих народов, что свидетельствует о поклонении древнему тотему змеи [Лисициан 1958, т. 1, с. 338–344.]. У русских это па называется «елочкой». В мифологии многих народов многозначный и универсальный символ змеи издревле был почитаем, олицетворял собой как мировой океан,

так и солнечное и лунное начало, мужское и женское, смерть и возрождение, добро и зло, мудрость и слепую страсть, исцеление и яд [Иванов, с. 469–471]. О существовании в Древней Армении культа змеи – *вишапа*, свидетельствуют мегалитические изваяния «вишапакаров» [Пиотровский 1939, с. 21]. Тотем стилизованного вишап-дракона получил воплощение также в армянском декоративно-прикладном искусстве – в ковроткачестве (знаменитый «вишапа-горг», драконьи ковры). Не случайно, что известный специалист в области ковроткачества доктор искусствоведения Волькмар Ганцхорн отмечал, что восточный ковер является производным древних цивилизаций Армянского нагорья, лежащего на перекрестках древнейших торговых путей между западом, севером и югом [Gantzhorn, p. 15].

Тотем козы

Излюбленной свадебной пляской армян был также «*Кочари*» – исконно мужской танец, истоки которого восходят к культу плодородия, земледелия и напрямую связаны с древнейшим тотемом козла. В качестве этимологии названия можно привести армянский корень *коч* (баран) и производное *кочэл* (бодаться, кочевать). В правильной форме плясок вида кочари явно сохранились корни древнейших движений (размер мелодии 2/4 или 4/4), некогда подражавших повадкам, скачкам и прыжкам, бою, боданию оводов и козлов (как в свое время у древних греков состязания и пляски фавнов, сатиров, силенов, самого бога пастухов Пана). Неслучайно древнейшие наскальные рисунки – *петроглифы*, найденные на территории Армении и датируемые 5–4 тысячелетием до н.э., армяне называли *айцагрер* или *ицагрер* (козлиные письмены).

В некоторых регионах Армении до 50-х гг. XX столетия были популярны «*Ицанарер*» (козлиные танцы), которые носили шуточный характер. Их исполняли двое ряженых: предварительно одевшись в козьи шкуры и прикрепив длинные бороды, они специальным образом скрученные платки надевали на головы (вместо рогов) и, имитируя козлиные скачкообразные движения, с полными корзинами фруктов и сладостей встречали сватов и одаривали молодых [Пикичян, с. 138].

Саму свадьбу, как правило, справляли в воскресенье, если же невеста была не местной (из соседней деревни или другого региона), то она проходила в понедельник или во вторник – в зависимости от преодолеваемого сватами расстояния. Свадебное пиршество длилось всю ночь, т.к. нельзя было завершать обряд венчания в темное время суток. Потому во многих областях исторической Армении обязательным был танец со свечами или с факелами (*Момеров пар*). Когда первые лучи солнца касались земли, участники свадебной церемонии приветствовали рассвет и специальной песней-пляской восхваляли солнце («*Айг, барев*» или «*Эг барев*»). Свадьбу справляли всей деревней, потому угощений готовили вдоволь, так что застолье, как правило, продолжалось не один день.

Духовная культура народа как система локальных традиций в современной фольклористике и этнолингвистике представляет все больший интерес. Для выявления общих закономерностей формирования духовной культуры необходимо четко представлять ареалы бытования этих феноменов. В этой связи исследование данного материала имеет важное значение, т. к. сравнительный анализ культурных традиций и обычаев разных народов дает возможность обозначить их схожесть, а зачастую и идентичность, что свидетельствует о наличии общих культурологических кодов. По мнению культурологов, культурный код – это набор характеристик, которые помогают идентифицировать культуру.

Стремление общества к самопознанию обуславливает его повышенное внимание к изучению традиционной культуры, в частности, свадебного обряда, а также необходимость сохранения форм культуры, прошедших многовековой путь. Проведенное исследование вносит вклад в развитие регионалистики, предполагающей учет и изучение традиционных обрядовых текстов, бережное отношение к этнокультурному наследию. Значение культурного кода в семиотике – одновременно знаковая структура и свод правил по упорядочиванию знаков, которые позволяют раскрыть смысловое содержание культурного элемента.